

7 МАКОНДО, СТО ЛЕТ НИЩЕТЫ

На родине Габриэля Гарсиа Маркеса

«Все, что происходило со мной после того, как я покинул родные места, в сущности, очень банально. Я рос, путешествовал, учился, ничто не вызывало у меня особого любопытства. С тех пор как я уехал из родного городка, в моей жизни не случилось ничего интересного». Это слова Габриэля Гарсиа

Как отреагировали жители Аракатаки на такой грандиозный успех знаменитого романа Маркеса? Тот вечер, когда обитателям городка сообщили радостную новость о Нобелевской премии, был похож на все остальные. Горожане Аракатаки сидели на верандах в своих любимых качалках и смотрели, как огромное, словно гигантский апельсин, солнце садится в низовьях реки Магдалены. Сгустились сумерки, люди вели неторопливые беседы, как вдруг пришла эта весть. Габриэль Гарсиа Маркес, сын телеграфиста, стал лауреатом Нобелевской премии. Событие взбудоражило весь город. Когда колумбийцы обнаружили, что роман, посвященный восхождению и падению легендарного селения Макондо, это история их родного местечка, их сердца наполнились восторгом и гордостью за Габриэля Гарсиа Маркеса.

Теперь на белой, выкрашенной известкой фабричной стене при въезде в городок начертано: «Вы находитесь в Аракатаке, колыбели культуры, где родился гений». На стенах одной из ферм: «Барана банановой земли звучат для тебя, победитель Нобеля». На задней стенке нелепого деревянного автобуса, который следует в городок, красной масляной краской написано: «Аракатака — мировая столица литературы».

...А в городке в тот день произошел настоящий взрыв коллективного восторга. Луис Агасес, племянник работника банановых плантаций, решил нарисовать родной дом Маркеса и с тех пор рисует одно и то же: мрачную деревянную хижину в тропиках. Владелец самого свирепого бойцового петуха Аракатаки переименовал его в «Габриэля». После получения Маркесом Нобелевской премии крестьяне этой банановой земли все

реже называют свой край провинцией Магдалены и все чаще говорят: «У нас в Макондо». Этим именем названы рестораны, гостиницы и бильярдные залы. «Макондо» назвали также сорт дыни, рекламное агентство и лучшую бейсбольную команду местечка.

Магический смысл этому слову придал вовсе не Маркес. Это старинное индейское название. Африканские рабы называли так банановую плантацию. «Макондо» называется также азартная национальная игра в кости.

Когда мы приехали в Аракатаку, то из первого же дома услышали громкие голоса, выкрикивавшие: «Габито, Габито, добро пожаловать, приходите, хотите увидеть дом Габито?»

В Аракатаке вы увидите ветеринара, который практикует без диплома, полицейского, разгуливающего в майке и трусах, местного пьяницу, вечно сидящего за стойкой, Хуану — девушку для коммивояжеров, и все они напевают один и тот же мотив, возглавляющий список самых популярных песен. Они поют о ветряной мельнице воспоминаний, о грусти Аурелиано Буэндиа и Мелькиадеса, цыгана-колдуна, другого героя «Ста лет одиночества». Когда же доходит до припева, бьют кулаками по столу, крича во всю глотку: «Сто-лет-о-ди-но-чест-ва». Потом ведут вас туда, где, по их мнению, разворачивались описываемые в романе события. Показывают покрытую трещинами стену двора вокруг дома Габриэля и клянутся, что именно здесь сумасшедшая Ребека сдирала ногтями известку и ела ее. Во дворе дома табличка из цемента: «Здесь Аурелиано Буэндиа делал свои эксперименты по алхимии и пробовал варить

золотые дублоны со свинным жиром и касторовым маслом». В углу двора, где теперь постоянно задерживаются собаки, надпись: «Здесь родился Габито».

Однако кое-что не показывают туристам. Это заросли бананов и марихуаны, которые гордо и пышно зеленеют в углу сада. Они — ключ к истории падения и возвышения Макондо.

Эпоха новой конкисты началась век назад. Завоеватели прибыли с моря, как испанские фрегаты и пиратские корабли сэра Френсиса Дрейка. Но на этот раз это были дельцы из бостонской «Юнайтед фрут компании». Они захватили местечко, стали скупать фермы и набирать армии работников. Разразился банановый бум — как в других странах Латинской Америки вспыхивали бумы на кофе, сахар, каучук.

Но уверенность в том, что найден золотой край, новое Эльдorado, быстро иссякла. Местечко гудело от кутежей. Рабочих беспощадно эксплуатировали дельцы из «Юнайтед фрут компании», дамы начинали встречи в ресторане «Файф о'лок», а раздуренные синьоры танцевали в салунах под звуки пианол.

Все должно было быть, как в Европе. Из Франции присылали легкомысленных и красивых женщин, из Венеции — зеркала, из Брюсселя — кружева. Из Германии поступали фисгармонии, чтобы аккомпанировать танцовщикам танго. Жизнь стала сплошной мешаниной пудры, духов, карнавала и колониализма. В богатых кварталах устраивались праздничные кавалькады, в бедных множилось число воров и бандитов. Ночью здесь под выстрелы решалось, кому достанется награбленное.

«Юнайтед фрут» высосала местечко гектар за гектаром.

Компания быстро стала собственницей половины местных ферм. У кого не было денег, тот мог заложить дом, получить под него кредит, а за это перевести на счет компании и дом, и сад. Эти контракты колумбийские должники называли «кабальными бумагами».

Банановая буря разразилась осенью 1928 года. Это была первая массовая забастовка в истории Колумбии. Рабочие разрушали железнодорожные пути и блокировали поезда. Пятого декабря 200 тысяч сборщиков бананов, вооруженных мачете, промаршировали по направлению к железнодорожной станции Сенада. Там их ждали пулеметы колумбийских солдат.

На следующий день в Сенаде стояла великая тишина... Трупы вывезли из города и закопали в общей яме или выбросили в море. Скольким было расстреляно из пулеметов и сколько заколото штыками, неизвестно до сих пор. В Латинской Америке забывают о трех тысячах смертей, если этого требует закон, пишет Маркес.

Массовое избиение было забыто, вычеркнуто из календаря истории. События 1928 года были впрок пережиты только в книге «Сто лет одиночества», в которой Маркес рассказал, как однажды в памяти Буэндиа что-то оборвалось и утонуло в болотистой тине забвения.

«Юнайтед фрут компании» оставила местечко, и оно — вместе с его лужами, комарами, покрытыми пылью миндальными деревьями — вновь превратилось в унылую деревню на болотистой реке Магдалене. По обочинам валялись обломки мебели, скелеты животных, покрытые цветными попонами, — последние воспоминания об иностранных ордах.

Мрачные тропики. О золотом времени напоминает теперь павильон из белого мрамора на рыночной площади. Остались позолоченные карнизы, съеденные морской солью, и загаженные лестницы из желтого мрамора внутри дворов, где когда-то распивали изысканные ликеры.

Местный учитель уехал, потому что получал зарплату с

большим опозданием или вовсе не получал ее. Церковь полуразрушена, над головами святых со свистом разрезают воздух летучие мыши, а местные леса не похожи на существовавшие когда-то джунгли, населенные обезьянами, где сто лет назад рождались легенды.

После того как среди болот была построена цементная плотина, а реки соединены каналами, чтобы орошать банановые плантации, джунгли стали умирать. И сейчас на многие километры вдоль побережья видны стволы мертвых деревьев, как после пожара.

В Аракатаке, в одной старой деревянной избушке, живет некое ископаемое. Это старая «мадама», ее можно видеть в лучах заката. Она валяется, как замызганная тряпичная кукла, на разломанной веранде своего дома и хриплым голосом разговаривает сама с собой. Звездный час Эльвиры Розы Эррей пробил давно. Во времена бума у этой женщины был белый любовник, янки, у него водились доллары. Но янки умер, «Юнайтед фрут компании» покинула городок, увеза с собой секреты воздвигания бананов, и для местного населения начались времена тяжелой борьбы за существование. Эльвира Роза сдавала свой дом в наем, как почасовую гостиницу. Позже она зарабатывала на жизнь, продавая фрукты из своего сада и манговым джем до тех пор, пока в один прекрасный день жители Аракатаки не обратили свое пристальное внимание на старуху.

«Мадама» напоминала им кое-что, о чем они не хотели бы вспоминать, — о днях расцвета Аракатаки. Но все ушло, и только «мадама» продолжала жить, и никто не мог ей этого простить.

Вот уже полвека продолжается эта «охота на ведьму». Сад «мадамы» подвергся разорительным набедам. Толпа разрушила изгородь, подпортела сваи, на которых стоит дом, сорвала и унесла прочь дверь. Украли также кровать, выломали водопроводную систему. И теперь, когда ребятишки Аракатаки возвращаются из

школы, они прыгают вокруг старухи — совсем так, как в романе Маркеса дети Буэндиа прыгали вокруг старой Урсулы, старой куклы, которую они таскали из одного угла в другой, как писал Маркес. Они забрасывают камнями железную крышу и молят палками по стенам дома, как по прутьям клетки. «Мадама» отвечает им, в свою очередь моля чем-нибудь по стенам изнутри. Как говорит колумбийская пословица: «Маленькое селение, большой ад».

Старуха, которой исполнилось уже 87, давно бы умерла, если бы соседи не приносили ей ежедневно алюминиевую миску вареных бананов, помидор и луковицу.

Ничего не изменилось в Макондо с того года, который был отмечен большой резней и рождением Габриэля Гарсиа Маркеса. Колдуны и предсказательницы, как во времена цыгана Мелькиадеса, еще сегодня бродят по деревням и городам, расположенным на реке Магдалена. На местном рынке можно встретить разносчика Педро. В его лотке есть все, любые талисманы для суеверных: зубы тапира — для повышения работоспособности, настойки из Амазонии — защищают от любого оружия, чеснок — повышает мужскую силу. Педро расхаживает по рынкам с чемоданом и раздает визитные карточки, как настоящий босс. Чудодейственные травы он предлагает в пакетиках, он же продает лаковые черные фигурки «невидимого доктора». Вера в этого «невидимого доктора», которому в книге Маркеса Фернандо Буэндиа адресует свои молитвы, жива в народе. Изображение исцелителя можно видеть во многих домах, где у кровати непременно стоит его маленькая лаковая статуэтка. Дух хирурга Хосе Грегорио Эрнандеса, погибшего в 1920 году во время автомобильной аварии, блуждает по тропическим деревьям и исцеляет больных.

Просвещение еще не коснулось этих мест. Месяцев шесть назад в местной газете одна семья напечатала объявление, в котором публично обраща-

лась ко всем жителям с просьбой не убивать их близкого родственника. В объявлении говорилось: «Если вы увидите одичавшую кошку, знайте, что это, возможно, наш дядя. Он был превращен в кошку, поэтому что совершил кроссмисительный грех — сожительство с собственной сестрой».

...Было раннее утро. Жители провинции Магдалена праздновали присуждение Маркесу Нобелевской премии, запустив на рельсы старенький поезд, груженный бананами. Снова гудок локомотива взрывает тишину этого городка в тропиках, снова приближается «поезд, который принес в Макондо столько обещаний и несчастий, столько неизбежностей и желаний», как писал Габриэль Гарсиа Маркес. Пять тысяч жителей проходят через весь городок на мессу, играют оркестры, раздаются бесплатно мясы жареного ягненка.

Со стороны степи поднимаются в воздух самолет, принадлежащий местному земельному собственнику, делает круг над городком, с неба падают тысячи бумажных желтых бабочек в память об одном из героев романа — Маурисио Бабилони, выманном в масле слесаре, которого постоянно сопровождали тучи желтых бабочек. Для жителей Аракатаки это день больших надежд. Они во все горло кричат: «Габито!» Тропический городок на один день сбрасывает с себя гнет истории, гнет воспоминаний о ненавистной «Юнайтед фрут компании», о проклятой болотистой провинции, где когда-то господствовали военные, а теперь распоряжаются боссы от марихуаны.

Сегодня вы не найдете здесь никого, кто происходил бы из рода простого сборщика бананов, сегодня здесь все происходит от героического рода Буэндиа. Они живут не в какой-то там банановой республике, они — граждане «Литературного государства «Макондо». «Нельзя утолить голод иллюзиями», — говорит Габриэль Гарсиа Маркес. — Но ими все равно продолжают кормить людей».